

ДМИТРИЙ НАБОКОВ:

«Недавние события укрепили мою решимость сжечь «Оригинал Лауры»»

Собирается ли Дмитрий Набоков, сын и наследник великого писателя, выполняя волю отца, уничтожить рукопись его произведения «Оригинал Лауры»? Страсти вокруг этого неоконченного романа разгорелись после того, как литературный критик «Нью-Йорк Обсервера» Рон Розенбаум напечатал статью, в которой обратился с призывом: «Дорогой Дмитрий Набоков! Не сжигайте «Лауру»!» Дмитрий Набоков, который живет в швейцарском городе Монтре, дал эксклюзивное интервью корреспонденту «Известий» во Франции **Юрию Коваленко**.

Известия 2005-28 нояб-с 1, 14.
ИЗВЕСТИЯ: Неужели вы собираетесь уничтожить «Оригинал Лауры»?

ДМИТРИЙ НАБОКОВ: Глупая сплетня вызвала взрыв во всем мире. Благонамеренный журналист прослышал про «Оригинал Лауры», являющийся частью неоконченного романа Владимира Набокова. Автор оставил распоряжение, согласно которому его рукопись должна быть уничтожена. Он имел обыкновение так поступать со всеми своими трудами, которые не мог завершить. Я еще не принял окончательно решения и не знаю, возьмет ли верх сыновья преданность или это оригинальное и прекрасное — хотя и незаконченное — произведение искусства будет жить. Тем временем возникло множество смехотворных гипотез. Один ученый бессовестно лжет, говоря, что видел рукопись и что она носит «автобиографический характер». → **СТР. 14**

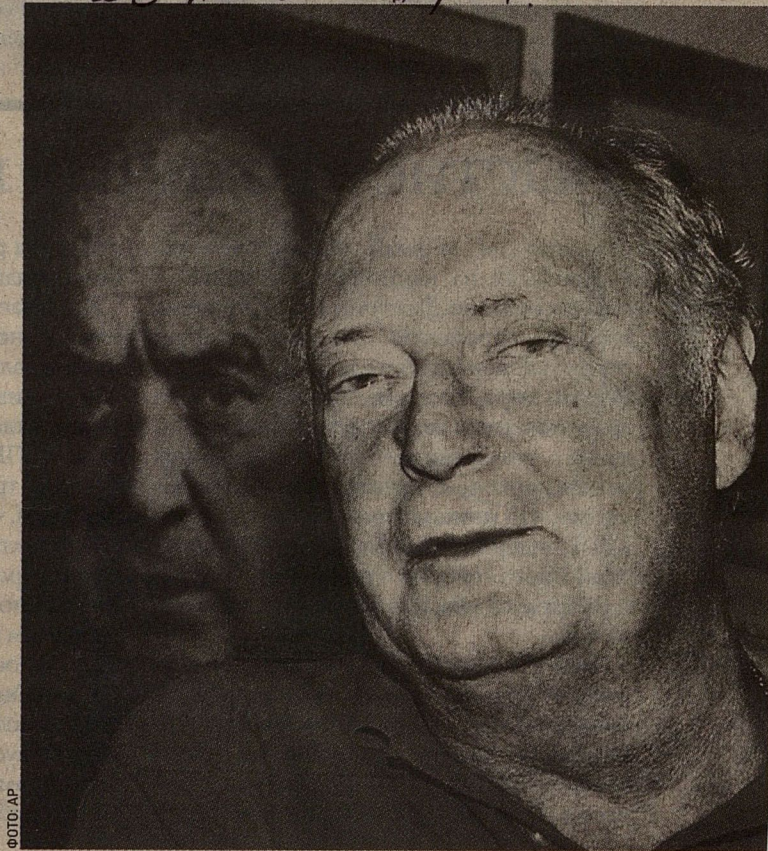

ФОТО: АР

ДМИТРИЙ НАБОКОВ:

«Недавние события укрепили мою решимость сжечь «Оригинал Лауры»

известие 2005-28 ноябрь 14

Набоков: Некоторые члены «семьи» — а у меня их немного — утверждают, что «существует две «Лауры»: одна настоящая, а другая — нет». Некоторые недавние события укрепили мое намерение повиноваться воле автора и сжечь «Лауру».

Известия: Что вы имеете в виду?

Набоков: Больше всего шокировало то, что пятидесятилетие со дня выхода «Лолиты» (в ноябре этого года. — «Известия»), которое могло бы стать поводом для празднования, было частично осквернено комментариями, граничащими с непристойностями в отношении генезиса книги. Если я уничтожу «Лауру», ответственность за это будут главным образом нести такие жаждущие рекламы писатели, как Джоан Морган и Брэндон Сентеруол. Они сочинили мерзкую гипотезу, согласно которой «Лолита» представляет собой закодированное изложение предположительно тайной связи между Набоковым и его дядей. Кроме того, есть шарлатаны, которые утверждают, что «Лолита» имеет различные источники. Некий профессор, который копался в старых газетах, обнаружил в 1940 году заметку о мастеровом, который изнасиловал 12-летнюю девочку и таскал ее по всей Америке. Мой отец читал эту заметку и специально включил на нее ссылку в книгу. Это была нарочитая маленькая ловушка, говорил мне отец, для жаждущих добычи литературных ищек...

Известия: То же самое относится и к роману «Ада»?

Набоков: Бедная «Ада»! Некая девица из Глазго, применяя псевдонаучные методы, хочет продемонстрировать, что «оригиналом» кровосмесительных отношений между Ваном и Адой были отношения между Набоковым и его младшей сестрой во время прогулок над Ялтой, где они ждали окончательного отъезда из России... И еще есть замечательный сайт Nabokov-L, который почти «взорвался», потому что его «милый» редактор слишком снисходительно относился к подобной мерзости. Я не хотел бы, чтобы изысканная, многоцветная проза «Лауры» попала в их руки.

«Права отца было легче защищать в «страшные» советские времена»

Известия: Можно, конечно, понять вас, значительную часть жизни посвятившего наследию своего отца. Какие главные итоги вашей деятельности?

Набоков: Итоги включают мои переводы с русского на английский 5 романов, больше сотни рассказов и стихотворений; на итальянский — романов «Волшебник» и «Transparent Things» и двух сборников рассказов; эссе о Пушкине — с французского на английский и др. Одним из самых трудных было «второе приложение» к роману «Дар», изданное отдельно. Также редактировал собрания писем и рассказов. Кроме того, я читал лекции, вел конференции в различных университетах. Участвовал во многих документальных фильмах, исполнял роль отца в пьесе «Dear Bunny, dear Volodya». Только что закончил перевод на английский рассказа «Слово» и нескольких стихотворений. «Слово» является вторым рассказом Владимира Набокова и первым с тех пор, как в 1922 году убили его отца. Ну и, конечно, веду издательские дела, что отнимает много времени.

Известия: Вы, наверное, уже привыкли нести тяжкую ношу сына гения?

Набоков: Не привык и не привыкну — именно потому, что он был гением. В некотором смысле было легче защищать его права в «страшные» советские времена. По крайней мере, самиздат стремился воспроизвести набоковские тексты точно и честно для искренних ценителей...

Известия: Ради отца вы пожертвовали своей оперной карьерой. У вас был замечательный бас.

Набоков: Это была не жертва, а обмен одного сокровища на большее.

Неизвестный Набоков

«Оригинал Лауры» — это не вполне законченная рукопись романа, которую я начал писать и дорабатывать перед своей болезнью и которую я мысленно завершил. Я обдумывал ее, должно быть, около 50 раз и в своем ежедневном бреде не раз читал ее небольшой примечтавшейся аудитории, собравшейся в обнесенном стеною саду и состоящей из павлинов, голубей, моих давно покойных родителей, двух кипарисов, нескольких присевших на корточки молодых медицинских сестер и семейного врача, такого старого, что уже почти и невидимого», — писал сам Владимир Набоков о своем романе. Однако известно об этом произведении совсем немного. Работа над ним велась начиная с 1974 года, по крайней мере, именно к этому времени относится первая запись в дневниках, связанная с романом. Уже перед самой смертью Набоков несколько раз возвращался к рукописи, однако понял, что «мысленно заверченный» роман вряд ли будет завершен на бумаге. Судя по всему, речь идет о 30–40 страницах текста (или рабочих карточек Набокова). **Николай Александров**

Известия: Если не ошибаюсь, в Соединенных Штатах вы учредили Фонд Набокова?

Набоков: Его цель в том, чтобы нести дальше тяжелую ношу гения.

Известия: Ну а в России? Помнится, вас обещали принимать там как сына Пушкина...

Набоков: Обещали принимать как сына Набокова — и принимали. Я был приглашен на старомодный бал в Петергофе с фонтанами и фейерверками, мне представилась возможность выступить с Ириной Архиповой и прочитать лекцию в Публичной библиотеке, возили по интересным набоковским и ненабоковским местам...

Известия: Как складываются отношения с музеем вашего отца в Петербурге? Вы, кажется, хотели его выкупить?

Набоков: Не думаю, что должен выкупать дом, принадлежавший моей семье, в котором находятся ее реликвии. Слава богу, что благодаря поддержке губернатора Валентины Матвиенко музей перестанут дергать и душить арендной платой.

«Проект возвращения семейной усадьбы в Рождествено потонул в море водки и адвокатских бумаг»

Известия: Навещаете ли вы принадлежавшую вашей семье усадьбу в Рождествено под Петербургом? Там продолжают реставрационные работы?

Набоков: Пару раз навещал, но вот уже некоторое время не имею возможности порадоваться результатам сделанного. Помню, что вначале, когда меня принимали как сына Пушкина или Набокова, был разговор о том, чтобы мне вернуть усадьбу, но этот проект потонул в море водки и адвокатских бумаг.

Известия: Однажды вы сказали, что вашего отца дважды крупно ограбили. Первый раз Октябрьская революция украла его детство, а в новой России не слишком щепетильно обращаются с его авторскими правами...

Набоков: Здесь, кажется, спутаны цитаты. Мой отец сказал, что три великие трагедии в его жизни были: потеря собственного детства, убийство его отца в Берлине и потеря возможности писать на своем любимом, богатом русском языке. А литературное пиратство добавил я к списку украденного.

Известия: Вам все еще приходится судиться с российскими издательствами? Удалось ли добиться успеха в борьбе с пиратскими изданиями?

Набоков: После некоторых проблем с пиратами и другими жуликами в данный момент благодаря закону, недавно подписанному Путиным, происходят немаловажные изменения в отношениях с издательствами.

Известия: Лучшей набоковской биографией по-прежнему остается двухтомный труд новозеландца Брайана Бойда, переведенный на русский?

Набоков: Можно сказать, что это — единственная настоящая биография. Можно также предупредить читателя против искаженных, неверных «биографий» в исполнении Филда, Носика, Шаховской, Зверева и других.

Известия: Из всех стран самое трепетное отношение к Набокову все-таки в России...

Набоков: В некотором смысле. Но это не исключает тех, кто не может примириться с существованием уникального гения и реагирует враждебно. Даже те, кто сделал академическую карьеру на Набокове и выдает себя за набокофила, способны самым недостойным образом говорить о нем. Александр Долинин, будто бы эксперт по Набокову, участник различных конференций, личный мой знакомый, вот только что самым неожиданным образом написал статью о моем отце в «The Cambridge Companion to Vladimir Nabokov». Как несправедливо, что после его смерти личность и наследство его стали предметом не только безграничной похвалы, но и мелкой, третьесортной критики.

Известия: Выйдет ли когда-нибудь полное академическое собрание сочинений вашего отца?

Набоков: Может, к этому дело и придет. Особенно необходимо навести порядок в переводах. Уровень некоторых из них достаточно неплох, но других — сильно разочаровывает.

Известия: Завершена ли ваша работа по составлению антологии его стихов, которые вы сами переводили на английский язык?

Набоков: Работа продолжается. Недавно перевел его раннее, таинственное стихотворение «Революция», которое войдет в сборник стихов, переведенных на английский. Скоро будет готов первый том.

Известия: Удается ли еще открывать неизвестные страницы Набокова?

Набоков: За исключением существующих страниц, которые сам автор не желал печатать, открытие неизвестного материала меня бы очень порадовало.

Собрать все книги бы да сжечь

Исходящий от самого автора запрет печатать письма, дневники, оставшиеся рукописи вовсе не исключительное явление в истории литературы. Один из наиболее известных примеров — Франц Кафка, завещавший уничтожить все его рукописи и не переиздавать немногочисленные опубликованные при жизни рассказы. Но душеприказчик писателя Макс Брод не выполнил его волю. После смерти Кафки были впервые опубликованы три его романа («Америка», «Процесс», «Замок») и большинство рассказов, то есть по сути все то, что принесло автору всемирную известность. Табу на свои документы накладывали Марина Цветаева, Иван Бунин, а Иван Гончаров даже опубликовал что-то вроде открытого письма в «Вестнике Европы» — оно называлось «Нарушение воли», — в котором обратился к своим адресатам с просьбой уничтожить имеющиеся у них письма, и сам незадолго до смерти сжег значительную часть своего архива. В советской литературе практика уничтожения рукописей и документов стала совсем уж обыденной, но по другим причинам. **Наталья Кочеткова**